

FEEDBACK

28 и 29 января 2011 г. в Риге состоялись LXIII Чтения Гуманитарного семинара на тему «Роль гуманитария в обществе».

Свои отклики в Альманахах прислали

Михаил Маяцкий, Евгений Абдуллаев, Леонид Чернов, Петр Сафронов.

Михаил Маяцкий

Авторефлексивный ступор

Немножко почитаю мораль, простите. Совсем немножко.

Гуманитарное знание — а оно, собственно, никакое не знание, ну или какое-то совсем-совсем ненаучное — родилось из писем друзьям. Собственно, из текстов, написанных разной древности греками, часто по какому-то поводу, и часто, действительно, какому-то конкретному лицу адресованных. А потом римляне захватили греков, прекрасно понимая — в сознании своих наиболее проникательных представителей, — что захватили цивилизацию, в чем-то очень важном им, римлянам, не уступающую. И вот они истолковали эти греческие «буквы-письма» (по-гречески не надо двух слов) как письма *себе*. Потом произошел перевод (под пером Цицерона и многих других). Без этого перевода на латынь Греции бы не было. То, что не было бы и Рима каким мы его знаем, это, кажется, и так понятно. Всю эту очевидную для специалистов историю недавно вспомнил и напомнил Слотердаик.

Перевод, заимствование, усвоение — не внешние культуре события, а вполне для нее конститутивные. Так (не шибко красиво) называемый «культурный трансфер» — это не то, что случается с (уже готовой и законченной) культурой и без чего она могла бы обойтись, а то, что ее во многом составляет.

Большим несчастьем разных стран, людей и культур сегодня выступает тенденция (противоположно-дополнительная по отношению к глобализации и немножко объяснимая ею) к замыканию на себя. Любому историку, антропологу понятно, что неотъемлемой частью культуры является мысль о (своем) другом. Другой — это и бог, и демон, и животное, и иностранец, и сосед, и человек другого пола или другого поколения. Сам прием этого другого элемента, встреча с ним обставляется разного рода ритуалами. Порог, инициация, гостеприимство — составляющие того комплекса, который обозначает, маркирует как границу, так и ее переход. Любая культура воспринимает, осваивает, творит и выражает мир и миры, близкие и далекие, а не перепевает

на все лады самое себя, как это получается у любителей «идентичности».

Не говоря уже о том — в куда более глобальном смысле, — что сознание — это всегда *чего-то другого*. Феноменологи называют это интенциональностью. Когда же сознание только и делает своим предметом, что само себя, то это можно называть декадансом, нарциссизмом, параличом, смертью, хотя можно и находить в этом какую-то прелесть (некоторые из тех же феноменологов не выдержали радикальности мысли Гуссерля об интенциональности и постановили, что сознание и есть сознание самого себя). Известный критик (и в данном случае, самокритик) русской культуры Борис Гройс (и не он один) заметил, что «русская философия выступает обычно синонимом философствования о России». При этом, разумеется, русские философы как философы философствуют о многом и по-разному, но как только некоторые доброжелатели им напоминают, что они должны философствовать как *русские*, они впадают в тот авторефлексивный ступор, о котором пишет Гройс.

Надеюсь, не впадаю (и никого туда не приглашаю) в некоторый иренизм, который рассматривает социальную действительность так, что все участники получают равноправными, симметричными и дружелюбными. Нет, предыстория всегда уже (*immer schon*) позади нас, она состоялась, прочертила силовые линии и наделила нас своими неразрешимыми противоречиями и неразрушаемыми узлами. И гуманитарий как никто чувствует бремя этого наследия. Но гуманитарий не может быть и простой марионеткой этой предыстории, если не хочет совершить, нет, постоянно совершать, того предательства, о котором писал в 1927 году француз Жюльен Бенда. Впрочем, *того* предательства уже не совершить, благо гераклитов поток принес новые ситуации, новые соблазны, новых идолов для поклонения. Есть гуманитарии над чем размышлять, чему сопротивляться и на чем проверять свою бдительность.